

17. Statement on joint outcomes of the China-Australia annual leaders' meeting // Prime Minister of Australia. – URL: <https://www.pm.gov.au/media/statement-joint-outcomes-china-australia-annual-leaders-meeting> (date of access: 02.02.2025).

(Дата подачи: 25.05.2025 г.)

Е. А. Шаранов

Военная академия Республики Беларусь, Минск

Y. A. Shararau

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 32

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

SELF-DETERMINATION OF TERRITORIAL COMMUNITIES: REVIEW OF THE LITERATURE

Статья посвящена анализу научной литературы, посвященной феномену самоопределения территориальных общностей в политологическом и правовом контексте. Выявляются ключевые этапы формирования понятия самоопределения – от философских представлений Античности до его закрепления в международно-правовых актах и современных научных трактовках. Анализируется развитие концепции территориальной общности как феномена, формирующегося под воздействием природно-географических, культурных и политических факторов. Делается вывод о целесообразности использования категории «территориальная общность» в качестве ключевого субъекта права на самоопределение.

Ключевые слова: самоопределение; территориальная общность; международное право; идентичность; субъекты самоопределения.

The article is devoted to the analysis of scientific literature on the phenomenon of self-determination of territorial communities in the political science and legal context. The key stages of the formation of the concept of self-determination are identified - from the philosophical ideas of Antiquity to its consolidation in international legal acts and modern scientific interpretations. The development of the concept of territorial community as a phenomenon formed under the influence of natural-geographical, cultural and political factors is analyzed. A conclusion is made on the advisability of using the category of territorial community as a key subject of the right to self-determination.

Key words: self-determination; territorial community; international law; identity; subjects of self-determination.

Вопрос самоопределения в современном мире сохраняет актуальность как в научной, так и в политико-правовой плоскости. При этом традиционное понимание субъектов самоопределения (этнос, народ, нация) не всегда позволяет адекватно описывать реальные процессы, происходящие в условиях территориальных конфликтов, глобализации и трансформации государственных границ. Научный поиск сущностей и закономерностей

термина «самоопределение территориальных общностей» показывает, что в современной науке данный феномен представлен отдельными дефинициями: самоопределение и территориальная общность. Цель данной работы – выявление и обоснование теоретических оснований для их исследования как единого понятия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления традиционных подходов к понятию самоопределения в условиях современных территориальных и политических конфликтов.

Истоки самоопределения восходят к понятию свободы личности, интерес к которому проявлялся еще в Античности. В Эпоху Просвещения это понятие наполнилось новым содержанием – правом личности на выбор жизненного пути. Идея национального самоопределения стала важным принципом в период Французской и Американской революций, самоопределение стало рассматриваться как право общности на определение своей идентичности. Конституция Франции 1791 г. закрепила нацию как «источник суверенитета» [1, с. 112], заложив основу теории самоопределения общностей.

Концепция самоопределения частично отражена в Декларации независимости США, где народ провозглашен носителем права на изменение формы правления для защиты неотчуждаемых прав – жизни, свободы и стремления к счастью [2, с. 167]. В конце XIX в. теория самоопределения применялась к жителям территорий, выбирающим сюзерена, что использовалось для обоснования аннексий. В то же время она стала инструментом объединения общностей, как в случае с Италией и Германией, и послужила идейной основой для создания СССР.

Термин «право наций на самоопределение» впервые прозвучал на Берлинском конгрессе 1878 г. Впоследствии он стал основой концепции национального государства, где этническая общность рассматривалась как носитель суверенитета. И. Сталин и В. Ленин признавали за нацией право на автономное устройство и отделение.

В политологическом контексте важно отметить, что в уставе ООН закреплён принцип равноправия и самоопределения народов. Он также отражен в декларациях 61/295 и 1514, касающихся прав коренных народов, и в пактах 1966 г., где повторяются положения Декларации 1960 г., подчеркивая универсальность этого права в международной правовой системе.

Принцип самоопределения был наиболее полно раскрыт в Декларации о принципах международного права, закрепившей право на самоопределение за народом [3, ст. 1].

В настоящее время перечисленные понятия употребляются как для определения термина «самоопределение», так и для обозначения субъекта, имеющего на это право.

Современные исследователи по-разному трактуют самоопределение. Т. Евменова рассматривает его как право народов на выбор политического

пути, юридические словари определяет его как возможность самостоятельно решать судьбу и форму организации, а Ю. Барсегов – выражение демократизма в международных отношениях. С. Черниченко, к примеру, видит в этом отношении между «народом и государством» [4, с. 27].

Различные исследователи при изучении термина «самоопределение» выделили этапы развития самоопределения народов, провели историко-правовой анализ, систематизировали подходы к самоопределению, подчеркнув неполноту исследований, и акцентировали внимание на неясности дефиниций и трактовке понятия «народ – как этническое или территориальное сообщество» [5, с. 5].

Таким образом, несмотря на относительное согласие в понимании самоопределения как явления, вопрос о субъекте, обладающем этим правом, остается открытым. В научной литературе чаще всего рассматриваются народ, нация и этническая группа, при этом подчеркивается их неоднородность и внутренняя сложность, обусловленная множеством взаимодействующих социальных элементов.

Термин «народ» широко используется в международных документах, включая акты ООН, но его содержание трактуется по-разному, особенно после утраты актуальности антиколониального аспекта. Понятие «нация» также имеет историческую многозначность: от обозначения подданных в Средневековье до идеи политического сообщества после Французской революции. В науке выделяют различные подходы к анализу нации – натуралистический, антропологический, социоэкономический и политический. Современные исследования связывают нацию с национализмом как фактором ее эволюции. По мнению Б. Андерсона и М. Биллинга, она формируется в контексте культурных систем и коллективной идентичности. В современной белорусской науке нация есть «совокупность всех граждан одного государства как политического сообщества» [6, с. 48]. Однако из-за широты категории, а также ее включенности в составные этнические группы она не всегда может быть адекватным субъектом самоопределения в современных условиях.

Довольно приемлемым субъектом самоопределения можно было бы рассматривать категорию «этнос». Л. Гумилёв описал его как коллектив людей, который «должен приспособиться (адаптироваться) к условиям ландшафта» [7, с. 12]. То есть этническое единство есть изменяющаяся система, состоящая не только из людей, но и территории, а значит, является частным случаем территориальной общности, но этнос дает весьма размытые рамки в области территориально опосредованных социальных, экономических, политических и других отношений.

В современном мире, рассматривая существующие конфликты (Крым, ДНР и ЛНР, Приднестровье и др.) по самоопределению, учитывая исторические, экономические, природные и другие условия, в которых зарождались и формировались процессы самоопределения, автор пришел к выводу

о правомерности употребления указанных терминов как формы самоопределения территориальных общностей.

Таким образом, исследование показывает, что понятие «самоопределение территориальной общности» наиболее адекватно отражает современные процессы, поскольку учитывает территориально обусловленную систему жизнедеятельности индивидов, влияние среды проживания на их социальные связи, культурные особенности и поведенческие стереотипы.

Понятие «территориальная общность» раскрывается через признание значимости территории как ключевого фактора, формирующего самоорганизацию человеческих сообществ. Еще античные мыслители подчеркивали роль географической среды в определении структуры и характера общественной жизни.

Анаксимандр, Гекатей, Демокрит, Фалес и Г. Милетский [8, с. 398] использовали ойкумену как сводное представление о земле, на которой существуют люди. Геродот одним из первых отметил связь между образом жизни народов и географической средой их обитания, заложив основы географического детерминизма, влияющего на развитие этносов. Гиппократ развил эту идею, акцентируя внимание на том, что «большую часть формы людей и нравы отражают природу страны» [9, с. 304]. Аристотель также выделял влияние климата: северные народы он считал мужественными, но неспособными к управлению, тогда как жители Азии умны и искусны, но нерешительны и склонны к подчинению.

В Древнем Риме идея влияния географической среды на человека получила дальнейшее развитие. Полибий подчеркивал, что климат формирует физические и поведенческие особенности народов, объясняя этим их различия в характере, внешности и образе жизни [10, с. 363]. Страбон, следуя Полибию, придавал землеописанию статус «первой философии» [11, с. 6], трактуя географию как основу понимания общества.

Позднее Ш. Монтескье обосновал зависимость законов от природных условий страны, а К. Риттер и Э. Реклю дополнили эту концепцию, рассматривая территориальные общности как результат взаимодействия человека с окружающей средой. И. Гердер акцентировал внимание на изменчивом характере геофизического воздействия на население.

К рубежу XIX–XX вв. географический детерминизм трансформировался в геополитику – науку, изучающую модели существования территориальных общностей в пространстве мира. Основы геополитики были заложены в работах Р. Челлена и К. Хаусхофера. Исследователи В. Ключевский, Л. Мечников, Ф. Тённис и П. Сорокин анализировали влияние природной среды на развитие общества, подчеркивая, что особенности социального устройства формируются под воздействием природных условий и проявляются в экономике, политике и культуре.

Л. Мечников утверждал, что социальная эволюция напрямую зависит от природной среды, которая оказывает влияние на «форму кооперации

личностей» [12, с. 153]. П. Сорокин развил эту идею, введя понятие ценностных установок, формирующихся в рамках устойчивых социально-территориальных образований – этносов.

До XX в. территориальные общности часто рассматривались через призму этнографии, ассоциируясь с «отсталыми» народами и примитивными культурами. Противоположный подход предложил Ф. Тённис, описав такие формы объединения, как деревня, племя, род и семья, которые представляют собой «особого рода гильдию или религиозную общину» [13, с. 39]. Сопоставляя средневековое и современное общество, он противопоставил понятия «община» и «общество», что послужило толчком к расширению понятия «общность» в XX в. – теперь оно охватывает семьи, трудовые коллективы, этноконфессиональные группы, классы и даже институты.

Само понятие «общность» претерпело целый ряд трансформаций. Необходимо отметить, что в современной науке существует множество определений феномена «территориальная общность». Некоторые ученые отождествляли территориальную общность с понятием «комьюнити» (англ. *community* – сообщество). Так, Д. Гиллери в 1955 г. опубликовал работу, специально посвященную анализу данной категории, где выделил 94 определения от различных авторов и осуществил их классификацию по трем вычленимым элементам: общность территории, социальное взаимодействие, общие связи [14, с. 111].

Ввиду различий в первоначальном понятии последовала и различная трактовка феномена территориальная общность. Я. Щепаньский связывал ее с более широкой социальной общностью, основанной на устойчивых социальных связях, которая «создана и сохраняется хотя бы в течение короткого периода» [15, с. 116] и совместной жизни на определенной территории. Е. Горяченко подчеркивал, что индивид воспринимает себя как часть группы, действуя ради ее устойчивости, и ни одна другая структура не способна заменить роль этой группы. Схожую точку зрения высказывал Д. Гиллери, используя термин «комьюнити». Исследователи Р. Уоррен, П. Лоури, Э. Хиллар и Э. Рейс рассматривали территориальную общность как элемент социальной организации, обеспечивающий удовлетворение основных потребностей.

В XX в. вопрос территориальной общности также активно изучался учеными. Т. Заславская и Р. Рывкина рассматривают территориальную общность как относительно самостоятельную единицу в структуре общества, включающую как население, так и используемое им пространство с ресурсами, инфраструктурой и жилой средой. Сходный подход предложили А. Сергиенко и А. Троцкий, подчеркнув, что характер размещения производственных и социальных объектов напрямую влияет на образ жизни населения в пределах региона. С. Быстрянец описал территориальную общность как открытую, но устойчивую систему с выраженной самодостаточностью, основанную на территориальной идентичности и представляющую собой модель социального устройства в миниатюре.

А. Трофимов, А. Чистобаев и М. Шарьгин определяют территориальную общность как «территориальную ячейку жизни общества» [16, с. 14], в которой все компоненты тесно взаимосвязаны, сближая ее с понятиями общественной и социально-экономической системы. А. Воронин и М. Межевич рассматривают город как проявление территориальной общности, акцентируя влияние государственных границ и переход от демографического к социальному пониманию этого явления.

А. Ткаченко интерпретирует территориальную общность как систему расселения, подчеркивая ее связь с формами поселений с их «материальными формами» [17, с. 14]. А. Злотников указывает на значимость таких общностей как аналитического инструмента, позволяющего учитывать различия в условиях жизни и социальных проблемах, «характерных для населения различных групп территорий» [18, с. 108].

С развитием науки сформировалось множество определений термина «территориальная общность». Она понимается как: система социальных отношений внутри определенных территорий (Collins Dictionary); сеть взаимодействующих индивидов, объединенных местом проживания (The Dictionary of Human Geography); локальная группа, включающая основные институты общества (З. Грунт); спонтанное образование, основанное на пространственных связях (А. Ткаченко); первичная единица социальной организации с высокой автономией и идентичностью (С. Быстрянец, Э. Рейс-младший, Я. Щепаньский).

Представленные выше формулировки имеют большую конкретику, чем даваемые ранее, а процесс дальнейшего их изучения выделил два основных критерия формирования территориальных общностей: «идентичность членов территориальной общности» [19, с. 56] (Е. Мартынова) и «социальное участие населения в развитии территории» [20, с. 1] (Е. Горяченко).

Таким образом, территориальная общность представляет собой устойчивую и локализованную форму социальной организации, основанную на сочетании физического проживания на определенной территории и системы социальных связей – культурных, институциональных и когнитивных. Такая общность определяется условиями среды и инфраструктурой и может рассматриваться как субъект самоуправления в политологических исследованиях.

Самоопределение территориальной общности – это сложный, непрерывный процесс, включающий экономическое, политическое, культурное и иное взаимодействие внутри сообщества, исторически связанного с определенной территорией. Этот процесс может выражаться как в интеграции в иные государственные структуры, так и в стремлении к самостоятельному политическому статусу.

Проведенный анализ показал, что феномен самоопределения территориальных общностей изучается на стыке философии, политологии, международного права и социологии. Несмотря на отсутствие единого подхода

к определению как самого термина, так и субъекта самоопределения, в научной дискуссии акцент все чаще делается на территориальную обусловленность политической и культурной идентичности. Категория «территориальная общность» позволяет отразить специфику взаимодействия населения с пространственной, социальной и культурной средой. Она становится важным понятием при анализе современных конфликтов, вопросов федерализации и регионального самоуправления. Использование этой категории не только расширяет понятийный аппарат политической науки, но и открывает перспективы для более точного описания процессов самоопределения в современной действительности.

Список использованных источников

1. *Адо, А. В.* Документы истории Великой французской революции: в 2 т. / А. В. Адо. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – Т. 1. – 112 с.
2. *Галанза, П. Н.* Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / П. Н. Галанза. – Москва, 1957. – 250 с.
3. Интернет-портал Организации Объединенных Наций. Международный пакт о гражданских и политических правах. Резолюция 2200. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.09.2023). – 1 ст.
4. *Черниченко, С. В.* Содержание принципа самоопределения народов (современная интерпретация): учеб. пособие / С. В. Черниченко. – Москва, 1998. – 33 с.
5. *Явкин, Н. В.* Проблема обеспечения единства и территориальной целостности государства в условиях борьбы народов за самоопределение: автореф. дис. ... канд. полит. наук: ВАК РФ 23.00.02 / Явкин Николай Викторович; Мордов. гос. ин-т. – Нижний Новгород, 2004. – 20 с.
6. *Мельник, В. А.* К вопросу о точности политического лексикона. Проблема совершенствования этнокультурной политики в республике Беларусь / В. А. Мельник // Беларуская думка. – 2010. – № 3. – 210 с.
7. *Гумилев, Л. Н.* От Руси к России: Очерки этнической истории. / Л. Н. Гумилев. – Москва: Экспресс, 1992. – 130 с.
8. *Суриков, И. Е.* Гекатей Милетский. Фрагменты / И. Е. Суриков // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – Москва: Собрание, 2021. – Т. 9. – 498 с.
9. *Гиппократ.* О воздухах, водах и местностях. Избранные книги / Гиппократ. – Москва: Изд-во миф. и мед. лит., 1936. – 736 с.
10. *Полибий.* Всеобщая история. / Полибий // Собр. соч.: в 5 т. – Санкт-Петербург: Изд-во «Наука», 1995. – Т. 1. – 495 с.
11. *Страбон.* География / Страбон // Собр. соч.: в 17 т. – Москва: Тип. Рись, 1879. – Т. 1. – 856 с.
12. *Мечников, Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки / Л. И. Мечников. – Москва: Пангея, 1995. – 290 с.
13. *Теннис, Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – Москва: Владимир Даль, 2002. – 452 с.
14. *Гиллери, Г. А.* Definitions of Community: Area of Agreement // Г. А. Гиллери // Rural Sociology. – 1955. – Vol. 20 (June), № 2. – 196 p.
15. *Щепанский, Я.* Элементарные понятия социологии / Я. Щепанский. – Москва: Прогресс, 1969. – 240 с.
16. *Трофимов, А. М.* Теория организации пространства. Сообщение III. Пространственно-временная организация общества / А. И. Чистобаев, М. Д. Шарьгин // Известия Русского географического общества. – Санкт-Петербург, 1993. – Т. 125, вып. 5. – 109 с.

17. Ткачѣнко, А. А. Территориальная общность людей: Социально-географическая концепция: автореф. дис. ... канд. ист. наук: ВАК РФ 11.00.02 / Ткачѣнко Александр Андреевич; МГУ им. М. В. Ломоносова – Москва, 1995. – 32 с.

18. Злотников, А. Г. Территориальные общности как объект социологии / А. Г. Злотников // Особенности культурного развития «приграничных» территорий: исследование и стратегическое управление: материалы междунар. науч.-практ. семинара, Минск, 30–31 мая 2017 г.: сб. науч. ст. / редкол.: И. В. Котляров (гл.ред.) [и др.] / НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск: Право и экономика, 2017. – 171 с.

19. Мартынова, Е. В. Идентичность членов локальной территориальной общности в условиях глобализации / Е. В. Мартынова // Социодинамика. – 2017. – № 11. – 63 с.

20. Горяченко, Е. Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе / Е. Е. Горяченко. – URL: <http://nesch.ieie.nsc.ru/GLGOR.html> (дата обращения: 22.09.2023).

(Дата подачи: 13.02.2025 г.)

А. Л. Шевцова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. L. Shevtsova

Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 327(4-11)

РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XXI ВЕКЕ КАК ОБЪЕКТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

THE EASTERN EUROPEAN REGION IN THE 21ST CENTURY AS AN OBJECT OF GEOPOLITICAL ANALYSIS

В статье дана характеристика природных, социально-экономических и политических факторов, определяющих геополитическое положение региона Восточной Европы в первой четверти XXI века. Сделан вывод, что наряду с традиционными природно-географическими и историческими факторами на геополитические процессы в регионе оказывают влияние информационные и когнитивные войны на новой технологической основе. Наиболее опасными вызовами для региона являются расширение НАТО и ЕС на восток, конфликт на Украине, энергетическая зависимость, гибридные вызовы.

Ключевые слова: Восточная Европа; геополитическая конкуренция; геополитическое положение; современные геополитические вызовы и угрозы.

The article provides a description of the natural, socio-economic and political factors that determine the geopolitical position of the Eastern European region in the first quarter of the 21st century. It is concluded that, along with traditional natural-geographical and historical factors, information and cognitive wars on a new technological basis influence geopolitical processes in the region. The most dangerous challenges for the region are the expansion of NATO and the EU to the east, the conflict in Ukraine, energy dependence, and hybrid challenges.

Keywords: Eastern Europe; geopolitical competition; geopolitical situation; modern geopolitical challenges and threats.